

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/93/17

«Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обзоров

Александр Васильевич Антощенко

Петрозаводской государственный университет, Петрозаводск, Россия, antoshchenko@yandex.ru

Аннотация. Изучаются рецензии на последнюю книгу известного русского историка-эмигранта. Они рассматриваются как средство коммуникации в научном сообществе по поводу исследовательских новинок. Автор раскрывает их социоморфный смысл и показывает, каким образом обзоры задавали определенное восприятие научного исследования по истории. Следование выработанной структуре обзоров ограничивало рецензентов в восприятии ростков новой, выходящей за рамки позитивистской парадигмы исследовательской концепции Г.П. Федотова.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, русская религиозность, рецензии

Для цитирования: Антощенко А.В. «Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обзоров // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 134–142. doi: 10.17223/19988613/93/17

Original article

“The Russian Religious Mind” by George Fedotov in mirrors of the reviews

Aleksandr V. Antoshchenko

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, antoshchenko@yandex.ru

Abstract. The article examines reviews of the latest book written by the famous Russian historian-expat George P. Fedotov. They are considered as a means of communication in the academic community of research novelties. Along with the analysis of their content, the author reveals their sociomorphic role, which they performed through the statement of the principles for evaluating the results of the work done by the historian. To reach this goal, the author of the article identifies the main elements of the reviews, each of which gave one or another characteristic of the mandatory component of the historical study of the past. Such elements were, first, characteristic of novelty of the subject of study, secondly, confirmed the adequacy of the chosen method, thirdly, gave an assessment of completeness of the original basis of research, as well as knowledge of the scientific research literature on the topic. Critical remarks and the style of writing were also defined. The first five elements assumed compliance with the positivist canons of historical research. They acted as norms accepted in the academic community and approved by reviews. The key among them was criticism, which is a system-forming element. The use of these elements limited the reviewers in the perception of the germs of a new research concept of G.P. Fedotov, which was based on the principles of understanding (*verstehen*). Unexpectedly, a lot of attention was paid to the style of writing because the book was written in a non-native language for its author – English. Most of the reviews were positive in content, although they contained rare criticisms implicitly determined by the national, political or research characteristics of individual reviewers. The only negative in essence, but quite benevolent in form, was the review of the Catholic Jesuit, who expressed a different vision of the research subject and the possibilities of its study, conditioned by his faith. The critic questioned not the professional skills of the Russian historian, but his religious identity and his ability to provide Orthodox implied readers with an adequate basis for their cultural-historical identification. Thus, he demonstrated the limits of the cumulative idea of the development of historical knowledge as scientific one, which was characteristic of positivism, since he completely denied the research approach of G.P. Fedotov, and therefore allowed a gap in the development of knowledge about the past, i.e. its discreteness. As a result, the author of the article recognizes the conventional character of truth in historical knowledge as an expression of intersubjectivity and defines the principle of objectivity, still asserted by some historians, as a simulacrum.

Keywords: George P. Fedotov, Russian religious mind, reviews

For citation: Antoshchenko, A.V. (2025) "The Russian Religious Mind" by George Fedotov in mirrors of the reviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 134–142. doi: 10.17223/19988613/93/17

Книга *The Russian Religious Mind* Георгия Петровича Федотова (наиболее точный перевод, соответствующий авторскому замыслу, – «Русская религиозность») стала последней из вышедших в свет при его жизни. Задуманная автором в конце 1930-х гг. во время командировки в Англию, она была написана уже в США, куда историк перебрался из Франции в начале Второй мировой войны. Моральную и финансовую поддержку при ее написании и издании он получил от президента Гуманитарного фонда Б.А. Бахметьева и его референта М.М. Карповича [1]. В общении с ними была уточнена задача исследования и определены возможности публикации. Первоначально Г.П. Федотов планировал написать пяти-шеститомный исторический обзор русской религиозности, но потом под влиянием Б.А. Бахметьева согласился на однотомную работу обобщающего характера, однако в конце концов опять вернулся к идее пятитомной истории, первым томом которой стало исследование формирования христианства в киевский период.

Книга сразу же писалась на английском языке, поскольку задумывалась как обращенная к американским читателям, среди которых интерес к прошлому народа-союзника по борьбе с гитлеровской Германией значительно возрос в годы Второй мировой войны. Это и факт публикации ее в 1946 г. престижным издательством Гарвардского университета определили внимание к ней со стороны рецензентов. Именно их отклики на издание будут проанализированы в данной статье. Однако следует уточнить, что речь будет идти не только в привычном для традиционных историографических исследований русле – интерпретации их содержания, но и с учетом новых перспектив рассмотрения рецензии как одного из средств научной коммуникации [2]. Как справедливо заметил И. Климов, «рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом» [3. С. 116], что открывает возможности для более объемной характеристики изучаемого материала.

Источники для исследования были выявлены с помощью поисковой системы базы журнальных публикаций JSTOR, а также в ходе изучения материалов Архива колледжа г. Амхерста, созданного при Центре русской культуры в этом учебном заведении небольшого американского городка. В архиве в коллекции Ю.П. Иваска, которому Г.П. Федотов помог после войны перебраться из Германии в США и которого опекал в его первые годы жизни на новом месте, отложились собранные Ю.П. Иваском рецензии, как журнальные, так и одна газетная – из литературного приложения к «Таймс». Это одиночество на фоне многочисленных газетных вырезок обзоров составленной Г.П. Федотовым антологии под названием *Treasure of Russian spirituality* («Сокровище русской духовности»), вышедшей несколько позже его книги о русской религиозности, довольно показательны. Журнальные

рецензии, помещенные в большинстве своем в специализированных периодических изданиях, посвященных или славянским, или религиозным исследованиям, были обращены в первую очередь к представителям научного сообщества.

Неудивительно поэтому, что большинство рецензентов являлись специалистами по истории религии и были хорошо осведомлены в истории христианства и его ветви – православия. Даже краткая характеристика рецензентов-иностранцев, основанная на данных интернет-энциклопедий и справочников, подтверждает это. Английский богослов Д. Атуотер, перешедший из англиканства в католицизм, был известным переводчиком на английский язык произведений Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева и сборника «Христианство и классовая борьба», автором популярнейшего «Словаря святых», издававшегося престижным издательством «Пингвин», специалистом по литургике. Американский священник Э.Р. Харди окончил Колумбийский университет, где получил степени MA и PhD, а после обучения в Общей богословской семинарии в Нью-Йорке прибавил к ним магистерскую и докторскую степени по богословию. В то время он был профессором церковной истории богословской школы Беркли в Йельском университете, участвовал в экуменическом движении и стал членом Всемирного совета церквей в 1947 г., являлся знатоком вопросов христологии и истории церкви. Выпускник богословской школы Гарвардского университета Р.П. Кейси в нем же получил сначала степень бакалавра искусств, а затем и богословия. После Первой мировой войны он стал в Кембридже доктором богословия, был профессором истории и философии религии в Цинциннати и профессором библейской литературы и истории Брауновского университета. Во время Второй мировой войны он увлекся русской историей и в 1946 г. выпустил в Нью-Йорке книгу «Религия в России». Иезуит, иеромонах католической церкви Й. Леди родился во Франции, но учился в США, ездил в Россию в 1926 г. Впоследствии он окончил Папский Восточный институт, инициировал создание при «Руссикуме» антикоммунистического центра. Во время Второй мировой войны он стал одним из католических миссионеров среди русских эмигрантов. Американский специалист по позднесредневековому мистицизму Р. Петри был автором книг о христианской эсхатологии и социальной мысли, долгое время профессорствовал в Дюкском университете, а историк М. Спинка не только хорошо знал положение церкви в СССР и на Балканах, но и написал ряд статей о Н.А. Бердяеве, о хронике Иоанна Малалы, о Никоне.

Если обобщить отличительные черты авторов из числа российских эмигрантов, то ими можно назвать широкий кругозор и укорененность в русской культуре, что характеризует и М.М. Карповича, окончившего Московский университет и преподававшего русскую историю и литературу в Гарвардском университете, и выпускника Оксфордского университета литерату-

роведа Г.П. Струве, преподававшего долгое время в Лондонском университете, а в 1947 г. перебравшегося в Калифорнийский университет в г. Беркли, и социолога и правоведа Н.С. Тимашева, окончившего курс в Петербургском университете, а в США преподававшего в Гарвардском и Фордемском университетах. Строго специалистами по проблематике русской религиозности среди рецензентов-эмигрантов можно назвать только начинающего исследователя А.Д. Шмемана, окончившего в 1945 г. Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже и ставшего его преподавателем, и преподававшую в Оксфорде докторалитературоведа Н.Д. Городецкую, написавшую книгу об образе уничиженного Христа в русской литературе.

Практически все рецензенты-эмигранты были в той или иной мере связаны с Г.П. Федотовым. Наиболее тесные отношения с ним были у М.М. Карповича, в летнем доме которого в Вест Вардсборо (штат Вермонт) Георгий Петрович неоднократно отдыхал и с которым он постоянно переписывался по вопросам написания и публикации книги «Русская религиозность» и статей в «Новом журнале», редактируемом М.М. Карповичем [4]. Достаточно прочные связи объединяли с Г.П. Федотовым и Н.С. Тимашева, причем в вопросе о положении Русской православной церкви в Америке они были соратниками, вместе с М.М. Карповичем, Г.И. Новицким и П.П. Зубовым составившими «Записку пяти профессоров», определившую решения VII Всеамериканского собора в Кливленде в 1947 г. по вопросу об отношениях с Московской патриархией [5]. Хорошо был знаком с творчеством историка Г.П. Струве. Они переписывались некоторое время после Второй мировой войны [6]. Можно предположить, что такой характер взаимоотношений обусловил практически полное отсутствие критических замечаний в их рецензиях. Была знакома с Г.П. Федотовым по участию в деятельности англикано-православного Братства св. Албания и преп. Сергия Радонежского Н.Д. Городецкая. Судя по письмам Георгия Петровича из Англии в 1939 г., называвшего ее Наденькой, у нее были доверительные отношения с семьей Федотовых [7. С. 262–264, 267]. Неслучайно Г.П. Федотов предполагал пригласить ее в планируемый во время его конфликта с правлением Свято-Сергиевского института Союз защиты христианской свободы [7. С. 344–345]. Не мог не знать о профессоре этого института и поступивший в него в 1939 г., т.е. незадолго до отъезда Георгия Петровича из Франции в США, А.Д. Шмеман, хотя документально их личное общение не подтверждено. Памятуя о том, что некоторые современные исследователи подчеркивают субъективный характер рецензии как жанра [2. С. 88–89], следует заметить, что для двух последних из упомянутых рецензентов-эмигрантов личное отношение к автору книги было, скорее, мотивом написания рецензии, но не определяло характера ее содержания и направленности. Наконец, из иностранцев знали Г.П. Федотова Э.Р. Харди и В. Гурьян. Знакомство с Э.Р. Харди, очевидно, состоялось во время подготовки Г.П. Федотовым проекта преобразования Свято-Владимирской богословской семинарии в академию, в ходе которой он неоднократно посещал Объединен-

ную богословскую семинарию в Нью-Йорке, где в это время Э.Р. Харди был тьютором. В. Гурьян, издававший журнал *Review of Politics*, предложил опубликовать в нем английский перевод статьи Г.П. Федотова «Россия и свобода», что и было сделано [8].

Авторы рецензий отчетливо осознавали, что представляли читателю незнакомого им автора, работы которого на русском языке были неизвестны большинству подписчиков даже специализированных журналов. Как заметил по этому поводу А.Д. Шмеман, “*Russica non legantur*” [9. Р. 131]. Первым маркером его профессиональной квалификации для них становилось указание на образовательные учреждения, где он учился и преподавал – Петербургский университет, Свято-Сергиевский богословский институт в Париже и Свято-Владимирская семинария в Нью-Йорке [9. Р. 131; 10. Р. 85; 11. Р. 612; 12. Р. 196; 13. Р. 123].

Не менее важным способом представления читателю научного положения автора стал способ, «подсказанный» самим Г.П. Федотовым, – идентификация с представителями существующей научной традиции, т.е. определение известных предшественников. В качестве такого предшественника большинство рецензентов вслед за Георгием Петровичем называли известного французского историка А. Бремона, положившего начало исследованию религиозных чувств на французском материале [9. Р. 131; 12. Р. 198; 14. Р. 367; 15. Р. 181]. В данном случае указание на предшественника было одновременно и помещением в контекст мировой историографии, рассматриваемой как единая научная традиция, в рамках которой сосуществовали, подчиняясь единым правилам исследовательской работы, национальные школы историописания. Понятно, что такой подход, свойственный и рецензентам-эмигрантам, учитывал специфику «предполагаемого читателя» (по терминологии У. Бута), который должен был ориентироваться в научной литературе, написанной, прежде всего, на европейских языках. Однако это не означало игнорирования российской (или шире – русскоязычной) историографии. Правда, здесь у рецензентов-эмигрантов были некоторые особенности: ни один из них не упомянул исследования советских ученых. А.Д. Шмеман, обращаясь к франкоязычному читателю, предпочел сопоставить (точнее – противопоставить) наблюдениям Г.П. Федотова о влиянии язычества на формирование христианства на Руси выводы французского историка П. Паскаля [9. Р. 132]. Н.С. Тимашев сравнивал федотовское понимание причин незначительного византийского влияния на древнерусскую культуру с выводами известного бельгийского историка-медиевиста А. Пирена [13. Р. 124]. А писавший об этом же по-русски М.М. Карпович поместил Г.П. Федотова между мэтрами российской дореволюционной историографии П.Н. Милоковым и Е.Е. Голубинским, отметив несогласие с ним приобретших признание уже в эмиграции ученых – Г.В. Вернадского и Р.О. Якобсона [16. С. 302–303]. В эмигрантский научный контекст помещает книгу Г.П. Федотова и Д. Атуотер [10. Р. 85].

Для рецензентов-эмигрантов обращение к советской историографии было нехарактерно. Отчасти в этом

проявлялся скрытый субъективизм, определяемый их антибольшевизмом, т.е. политическими взглядами. Это в большей степени относится к представителям старшего поколения эмиграции. Среди упоминаемых рецензентов к ним можно отнести всех, кроме А.Д. Шмемана, который был более аполитичен и лоялен к промосковски настроенным богословам в эмиграции. Иностранные же рецензенты были действительно беспристрастны в этом отношении. Свободно ориентировавшийся в российской историографии Й. Леди ссылаясь в рецензии как на публикации дореволюционных русских исследователей, так и на статьи тех, кто остался в советской России и продолжил свою работу в СССР; не забывал он, конечно, при этом и об иностранных специалистах [15. Р. 183–185]. Другой, довольно критически настроенный по отношению к книге Г.П. Федотова рецензент, Р.П. Кейси, при оценке ее положений ориентировался на новейшие советские исследования [17. Р. 230]. При этом он не замечал ставшую очевидной для Г.П. Федотова уже во второй половине 1930-х гг. национально-патриотическую тенденцию в советской историографии [18], усилившуюся после Второй мировой войны. Поэтому отнесение автором рецензии Г.П. Федотова к эмигрантской литературе, продолжающей «старую и высоко чтимую традицию», несмотря на внешне позитивное звучание, может быть прочитано негативно: автор книги отстал от современной советской исторической науки.

Последнее положение ведет к таким важным для рецензентов характеристикам научного труда, как новизна и оригинальность исследования, которые определялись в их обзорах прежде всего предметом исследования. Его подробное рассмотрение в рецензируемой книге [19. Р. IX–XIV] облегчало их задачу: большинство рецензентов указывали на обращение Г.П. Федотова к «субъективной стороне религии», что расширяло предмет церковной истории, связывая ее с духовной и культурной историей [9. Р. 132; 10. Р. 85; 14. Р. 367; 20. Р. 108], другие просто прибегали к цитированию соответствующего определения [11. Р. 612; 13. Р. 123; 21. Р. 66], некоторые же ограничивались перечислением исследовательских тем [17. Р. 230; 22. Р. 114]. Наиболее развернутое и в то же время точное и оригинальное определение предмета исследования Г.П. Федотова дал, пожалуй, Э.Р. Харди. Указывая, как и большинство рецензентов, вслед за Г.П. Федотовым, что это не внешняя история церкви, он в то же время отметил, что исследование выявляло «качество религии, которой ее лидеры учили и которую духовенство и миряне стремились практиковать», что являлось «более деликатной и менее вознаграждаемой» задачей. «Это приводит к постановке вопросов, – продолжал Э.Р. Харди, – на которые исторические источники явно не склонны отвечать» [12. Р. 197]. Такое исследование, по мнению рецензента, минуя епископов и теологов (вполне понятный и приемлемый для протестанта подход), вело к жизни обычных людей и при верном рассмотрении раскрывало «истинную силу и действительную слабость рассматриваемых религиозных сил» [12. Р. 197]. В итоге он переносил результаты исследования Г.П. Федотова в еще более широкий контекст:

«Такой подход становится важной частью церковной истории в целом и в значительной степени помогает увидеть правильно то место, которое религия занимает в *социальной истории* (курсив мой. – А.А.)» [12. Р. 197]. Тем самым Э.Р. Харди в своей оценке смещал акцент с привычного позитивистского расширения (или даже углубления) знаний, раскрывающих новые аспекты изучаемого предмета, на его качественное изменение. Думается, что это вполне соответствовало теоретическому обоснованию нового видения предмета исследования Г.П. Федотовым. Акцент на субъективной стороне религии был важен для обоснования нового представления о характере религиозной истории, в которой на первый план выдвигались не церковные догматы, каноника, литургика, развитие церковной организации и т.д., а ответ человека на Божественную благодать. И здесь возникала возможность существенных расхождений, ведущих к полному отрицанию этой теоретической предпосылки, а значит, и к пониманию «разрывов» в развитии исторического познания, о чем будет подробно сказано ниже.

В отличие от характерного для всех обзоров обсуждения предмета исследования его метод рассматривался только несколькими рецензентами. Отчасти это было результатом того, что сам Г.П. Федотов наметил лишь контур методологического подхода, основу которого составлял «предварительный, четкий и провокативный синтез» [19. Р. XV], поскольку время анализа еще не пришло. В результате большинство рецензентов сосредоточили свое внимание на соотношении анализа и синтеза. Причем характеристика этого соотношения в рецензиях свидетельствует, что их авторы подходят к вопросу с позитивистских позиций, считая, что теоретические обобщения должны быть результатом изучения фактического материала. Наиболее последовательно эту мысль выразил Д. Атуотер: «...профессор Федотов в последней части стремится *объединить свидетельства*, которые он *предварительно уже проанализировал* (курсив мой. – А.А.); он суммирует чувство религиозного значения сотворенного мира и красоты, важность, придаваемую истории с ее эсхатологической тенденцией, умеренный идеал аскетизма и отсутствие мистической созерцательности, этический дуализм суровости и мягкости, страха и любви, акцент на социальную этику, роль государства и религиозного национализма» [10]. Намеченная в книге лишь в самом общем виде идея, что теория представляет собой инструмент познания, а потому гипотетический синтез должен предшествовать анализу, не была замечена. Тем более нет в рецензиях представления о том, что исследование – это фальсификация теоретического знания, в зачаточном и неоформленном еще четко виде содержащегося во введении к книге Г.П. Федотова. Очевидно, что время «понимающей социологии» ушло вместе с М. Вебером, а время «неовеберизма» еще не наступило. В англоязычной литературе, рассматривавшей вопросы эпистемологии, понятие *understanding* (как эквивалент немецкому *verstehen*) стало распространяться лишь с 1960-х гг. в связи с зарождающейся в рамках аналитической философии истории нарратологией.

Однако наиболее проникательный рецензент книги Э.Р. Харди заметил те черты в исследовательской манере Г.П. Федотова, которые отличали познавательную концепцию «понимания». Сосредоточив свое внимание на технике исследования, он четко улавливал различие жанров литературы, произведения которой являлись источниками для Г.П. Федотова. Это позволило ему идти вслед за автором в рассмотрении того, как воспринималась религия мирянами, отделяя идеалы, пропагандируемые византийскими монахами, и восприятие их, скажем, Владимиром Мономахом, черпавшим свое вдохновение в псалмах. Поэтому Э.Р. Харди позволял себе уточнить оценку Мономаха, данную Г.П. Федотовым, усилив ее указанием на «легализм», а не «ритуализм» его этики. Столь же глубоким оказывалось и восприятие рецензентом интерпретации Г.П. Федотовым «Слова о полку Игореве», в которой большинство рецензентов совершенно неосновательно усматривали подчеркивание «двоеверия» автора «Слова»: «Он отказывается видеть в авторе необращенного язычника или приверженца “двоеверия”, но предполагает, что его (автора “Слова”. – А.А.) иносказательное использование языческой образности следует интерпретировать на той основе, что для него (автора “Слова”. – А.А.) язык язычника был романтическим и поэтическим, а христианская терминология не являлась таковой» [12. Р. 198]. Вполне логично такое внимание к исследовательской технике приводило Э.Р. Харди к более адекватному определению значения обобщений в исследовании. «Читатель, ожидающий от всякой книги четко сформулированного тезиса, может почувствовать определенную незавершенность работы Федотова, – заканчивал свою рецензию Э.Р. Харди. – Он позволяет себе несколько частичных обобщений, а не полный синтез, даже его глава-заключение состоит из ряда наблюдений о киевском благочестии и социальной этике. Такого рода незавершенность в такой работе является признаком авторского *успеха* в решении такой сложной задачи, как сообщить то, что *источники говорят нам* (курсив мой. – А.А.)» [12. Р. 199].

Если в рецензии Э.Р. Харди при внимательном чтении можно заметить *ощущение* «концепции понимания», то у М.М. Карповича содержится конкретное указание на принципиальную особенность этой познавательной концепции – интуицию. И здесь личное знакомство рецензента с автором обуславливает субъективность рецензии: доверие М.М. Карповича Г.П. Федотову, которым определяется готовность принять его наблюдения и выводы. «Скептики могут заподозрить Г.П. Федотова в некоторой модернизации древнерусской истории, – завершал свою рецензию историк. – Но здесь уже вступает в свои права историческая интуиция автора, и я могу сказать только, что *для меня* (курсив мой. – А.А.) она убедительна» [16. С. 303].

В отличие от Э.Р. Харди многие рецензенты уделяли внимание не технике изучения источников, а самой источниковой базе книги Г.П. Федотова. Поскольку Георгий Петрович отметил в ее начале, что не имел возможности работать в советских архивах, постольку свойственная для позитивистски настроенных историков характеристика оригинальности исследования как

результата «введения в научный оборот новых источников» не могла использоваться и заменялась полной источниковой базой. Замечание Р. Петри о том, что автор «разрабатывает богатые залежи оригинальных источников» [21. Р. 66], наиболее точно выражало такой подход. «Исчерпывающее изучение *всех* доступных литературных источников, как религиозных, так и светских (курсив мой. – А.А.)», – отметил Н.С. Тимашев [13. Р. 123]. Н.Д. Городецкая же посотствовала, что книга не имеет справочного аппарата с указанием выходных данных используемых опубликованных источников. В сочетании с указанием на «хорошо отобранные цитаты из источников» [11. Р. 613] такой подход свидетельствовал, что ее больше убеждало буквальное подтверждение при помощи источников выдвигаемых положений, а не их интерпретация автором. Р.П. Кейси, отметивший «свежий и независимый подход к источникам» автора, упрекнул его в том, что он «бесцеремонно отвергает источники, находящиеся в нашем распоряжении» (правда, какие – не указывалось), и «уделяет внимание поклонению Матери-Земле, о котором нет прямых свидетельств» [17. Р. 230]. Наиболее же информативная часть книги, в его оценке, – об «обычных христианах», которая «особенно хороша благодаря использованию литургической и дидактической литературы, совершенно неизвестной английскому читателю» [17. Р. 230].

Принцип полноты распространялся и на исследовательскую литературу. Г.П. Струве заметил лишь два пропуска в завершающей исследовании библиографии – книг Н.Д. Городецкой об образе уничиженного Христа в русской мысли и литературе и А. Мазона, выражавшего сомнение в аутентичности «Слова о полку Игореве» [20. Р. 109]. Сама же Н.Д. Городецкая к имени А. Мазона добавила достаточно длинный список российских и иностранных авторов, особо выделив книги по украинской истории [11. Р. 613–614], что было нехарактерно для рецензентов-эмигрантов, критически относившихся к распространению украинского сепаратизма в эмигрантской среде. Об упреках рецензентов-иностранцев в отношении полноты использования исследовательской литературы уже говорилось выше.

Наконец, еще одним обязательным элементом практически всех обзоров являлась критика, диапазон которой в рассматриваемых рецензиях колебался от незначительных замечаний до расхождения во мнениях по значительным проблемам и даже принципиального несогласия со всей концепцией в целом. Если Г.П. Струве заметил несколько стилистических огрехов, а М. Спинка – неточности в транслитерации некоторых славянских имен, то многие рецензенты-эмигранты критиковали достаточно схематичное изображение Г.П. Федотовым характера христианства в Византии, а также недооценку ее влияния на древнерусскую религиозную культуру [9. Р. 132; 11. Р. 613; 16. С. 302–303]. Впрочем, эти недостатки отмечаются и современным чешским исследователем [23. С. 251], а А.А. Войченко достаточно убедительно раскрывает причины такого отношения Г.П. Федотова к «византизму» [24].

Наиболее последовательным критиком книги Федотова оказался католик-иезуит Й. Леди. Его обзор на

фоне кратких публикаций других рецензентов выглядит достаточно объемным, что позволяло рецензенту не только подробно приводить опровержения, но и четко выстраивать собственную аргументацию. Начало рецензии было явно хвалебным и чуть ли не поэтичным: «...освежающая новизна, освещающее прикосновение, прекрасная интеллектуальная утонченность, которая время от времени вспыхивает яркими блестящими, помещают эту книгу среди тех, которые хочется читать» [15. Р. 181]. Указание на то, что книга написана с любовью к тем, «в чьи мысли и сердца он пытается проникнуть», можно вполне воспринимать как образное выражение «концепции понимания» автора исследования, направленного на раскрытие субъективной стороны религии, что подкреплялось цитатой. Однако здесь внешнее восхищение Й. Леди книгой Г.П. Федотова заканчивалось, поскольку последний, с точки зрения католика, ошибочно называл А. Бремона модернистом, «так как аббат Бремон умер как католический священник в подлинном смысле слова» [15. Р. 181]. Рецензент считал, что русский историк пошел значительно дальше французского исследователя, и «мы задаемся вопросом, насколько он воспринимает объективность откровения» [15. Р. 181]. Развивая свою критическую аргументацию, Й. Леди предлагал реконструкцию объективного и субъективного отношения к Божественному откровению, из которого читателю становилось очевидно, что субъективное отношение не только неверно, но и грешно [15. Р. 182]. Так малая посылка о неточности в характеристике предшественника становилась основанием для отвержения общего методологического подхода к проблеме. Более того, обвинение в модернизме вменялось самому Г.П. Федотову со ссылкой на осуждение преподавателей Свято-Сергиевского института карловацким Архиерейским собором. Казалось бы, смягчающее это обвинение указание на политическую мотивацию решения собора на самом деле было утверждением преимущества принципа «непогрешимости» (*infallibilitas*) римского папы, т.к. указанному соборному осуждению, не имеющему общего для Русской православной церкви значения, противопоставлялась признаваемая всеми католиками энциклика *Pascendi Dominici Gregis*, обнародованная в 1907 г.

Развивая мысль о модернизме Г.П. Федотова, рецензент озадачивал читателя вопросом о том, насколько далеко Г.П. Федотов отходит от традиционного православия. Его «опасения» вызывало противопоставление исследователем книг священного писания (Старого и Нового Заветов). «Можно задаться вопросом, – продолжал Й. Лиде, – до какой степени он верит, что Писание есть слово Божье. Семь вселенских соборов были верховенством веры в православии. Его замечания о Кирилле Александрийском и Льве Великом, о Халкидоне и Эфесе смущают традиционного богослова» [15. Р. 183].

Указание на время Вселенских соборов было неслучайным. Оно создавало перспективу, в рамках которой можно было оспаривать тезис о синтезе языческих и византийских начал в древнерусском восприятии христианства, противопоставляя ему идею об исход-

ной общности Восточной и Западной церквей (с чем Г.П. Федотов, несомненно, согласился бы), а главное – большем значении для Древней Руси западного, католического влияния. Хорошо ориентируясь в российской дореволюционной и советской историографии, Й. Леди и делал это на протяжении нескольких страниц, наполненных указаниями на «упущенные» факты и проигнорированную литературу, не смущаясь в ряде случаев неосновательностью собственной аргументации. Например, в рецензии совершенно не объяснялось, каким образом «женитьба рюриковичей на невестах из “западных семей”» могла влиять на восприятие христианства или почему более точный, по мнению рецензента, подсчет Н.А. Баумгартеном числа митрополитов-греков делал его концепцию западного религиозного влияния на Русь более достоверной, чем концепция незначительного византийского влияния Г.П. Федотова. Впрочем, при указании на публикации переводов «духовных документов латинского Запада» на церковнославянский язык Й. Лиде называл их «не очень важными». Но тогда опять же возникает вопрос: зачем упоминать о них? (см.: [15. Р. 184–185]).

В конечном итоге Й. Лиде противопоставил концепции Г.П. Федотова «более адекватную картину русского примитивного христианства», представленную Вл. Соловьевым в его *L'Idée Russe* (Paris, 1888) и *Saint Vladimir et l'Etat Chrétien* (Paris: L'Univers, Aug. 5, 18; Sept. 2, 1888), который, как и многие, «кто любят Россию», в интерпретации рецензента, видел в расколе с Западом трагедию России. Заключительный пассаж рецензии, очевидно, можно считать образцом иезуитского стиля: «Профессор Федотов не видит вещи в таком свете. Это не удерживает нас от глубокого восхищения его талантом, его эрудицией, яркостью его мысли – все еще находящейся в кандалах (курсив мой. – А.А.), мы полагаем, чего-то, с чем он еще не столкнулся лицом к лицу: что же это, что удерживает Православие и Католичество порознь?» [15. Р. 186]. Таким образом, рецензент-иезуит подвергал сомнению не профессиональные качества автора исследования, а его религиозную идентичность и, как следствие, его способность предложить в книге адекватную основу для культурно-исторической идентификации его верующих православных читателей.

Очевидно, несколько необычной для рецензий того времени была характеристика стиля изложения результатов исследования в книге. Но в данном случае это было важно, поскольку работа была написана на неродном языке. Сам Г.П. Федотов в предисловии к книге указывал на то, что «мисс М.Н. Шелли и Рут А. Уитман потрудились придать литературную форму моему несовершенному английскому языку» [19. Preface]. В оценке этой стороны книги важно признание носителей языка – англоязычных рецензентов, заявлявших, что книга *erudite and readable* (при этом также имелось в виду, что она будет понятна не только специалистам, но и «простым» читателям [10. Р. 87; 16. Р. 124–125; 20. Р. 109; 21. Р. 66]). Но определенное преимущество для оценки стиля было и у рецензентов-эмигрантов, для которых русский язык был родным, и они могли указать на различие русскоязычных работ Г.П. Федотова,

отличавшихся «блестящим стилем» [20. Р. 109] (incisive brilliance – штамп!), что становилось очевидным при сравнении с его написанной по-английски книгой. Эта оценка, снижающая, в общем-то, качество представления материала на иностранном языке, отнюдь не ущемляла достоинства автора, прекрасно владевшего родным языком.

Обращение рецензентов к вопросу о стилистических изъянах книги Г.П. Федотова дает право высказать некоторые замечания относительно стилистики самих обзоров. Характерно, что она существенно не отличается у носителей языка и эмигрантов. Более того, есть ряд типических выражений, которые, очевидно, стали уже расхожими штампами, среди которых в англоязычных рецензиях сразу же бросаются в глаза stimulating и provocative [11. Р. 614; 20. Р. 109]. Причем что в написанной по-русски рецензии М.М. Карповича есть эквивалентное устойчивое русское выражение – «будящие мысль» [16. Р. 302], а в рецензии Г.П. Струве – буквальный английский перевод этой фразы: thought-provoking [20. Р. 109]. Конечно, незначительное число рассматриваемых рецензий не позволяет последовательно провести контент-анализ и обоснованно увеличить результаты такого рода наблюдений. Но относительно рецензируемой книги, учитывая специфику ее замысла (напомню, что первоначально она задумывалась как многотомная, и это было зафиксировано в предисловии [19. Preface]), следует отметить еще одно – указание на ожидание продолжения с неожиданным экспрессивным (на фоне привычного eagerly [14. Р. 368; 22. Р. 115]) подчеркиванием anxiously [13. Р. 125]. Понятно, что такого рода ожидание характеризовало качество уже проделанной работы.

Наконец, необходимо сказать о единственной отложившейся в архивной коллекции Ю.П. Иваска газетной рецензии [25]. Понятно, что в отличие от рецензий в специализированных журналах у нее был иной «предполагаемый читатель», что четко осознавалось обозревателем. Если клише для журнальных статей основывалось на глаголе study (student, studying) и различалось лишь разным выражением их общего охвата – all, every, everyone, то безымянный автор газетной заметки обращался ко всем «интересующимся» русской историей. В соответствии с этим никаких упоминаний о предмете или методе исследования, источниках или аргументированности выводов в литературном приложении к «Таймс» не содержалось. Для автора, ориентирующегося на то, что в английском языке называют common sense, важно было ярко и привлекательно представить самые общие идеи, что и было сделано.

Заканчивая статью, можно сделать следующие выводы. В русле традиционного написания историографических работ они будут выглядеть так. Книга известного в эмиграции историка Г.П. Федотова вызвала живой отклик коллег, среди которых были не только бывшие соотечественники, но и иностранцы, что неудивительно, так как она была написана на английском языке и издана издательством уже тогда престижного Гарвардского университета. Подавляющее большинство из них дали высокую оценку результатам исследования, отметив оригинальное определение

предмета, разносторонне изученного благодаря выбору адекватного метода и обращению к обширному кругу источников, знанию исследовательской литературы по теме. Отдельные замечания не снижали общего положительного впечатления от труда, а расхождения по некоторым вопросам сохраняют свой спорный характер до настоящего времени. Единственный отзыв, подвергавший сомнению исследовательский подход Г.П. Федотова, не изменял общей положительной картины, так как обуславливался иной религиозной догматикой, издавна чуждой православию.

Однако материал статьи позволяет представить выводы иначе. Рассмотренные рецензии дали возможность выявить основные элементы рецензий, структурирующие их содержание: предмет и метод изучения, источники и исследовательская литература. Они представляли собой целостную систему, системообразующей связью для которой являлась критика. Парадигмальную основу системы составляли представления о данности объекта изучения – прошлого, независимого от субъективных пристрастий ученых историков, которые должны использовать метод, соответствующий особенностям той части объекта, которая становится предметом их исследовательского внимания. Доказательность выдвигаемых положений и выводов обеспечивала полнота привлекаемых источников и корректность их интерпретации. Последнее предполагало знание исследовательской традиции, выраженной в научной литературе по изучаемому вопросу. Само историческое познание представлялось как эволюционный процесс накопления проверенных истинных знаний, носящих универсальный характер, т.е. кумулятивных по характеру и всеобщих по содержанию. Строгое следование этой системе (и ее закрепление в результате постоянного повторения) в рецензиях препятствовало восприятию нового, может быть, не всегда еще четко сформулированного и до конца осмысленного подхода к историческому познанию, содержащегося в итоговой книге Г.П. Федотова. Тем самым рецензии, подчеркивая новизну исследования, в то же время консервировали устоявшиеся теоретико-методологические представления, препятствующие на деле появлению качественно нового видения прошлого.

Правда, эта эксплицитно выраженная позитивистская парадигма осложнялась имплицитно присутствующими в обзорах национальными, политическими и конфессиональными отличиями рецензентов. Наиболее важными из них оказывались именно последние. Конфессиональная принадлежность обуславливала склонность рецензентов, придававших им особое значение, к их явной манифестации. Отрицая принцип субъективного рассмотрения истории религии, католик-иезуит в то же время парадоксальным образом признавал профессиональные качества историка-эмигранта, а значит, и научную состоятельность его исследования. Это позволяет определить рецензию как средство формирования такой характеристики истинного научного знания, как конвенциональность. Но утверждаемая в рецензиях конвенция являлась согласием экспертов. Поэтому указание некоторых современных исследователей на субъективность рецензий как признак их несовершенства

не вполне корректно. В данном случае речь идет не о субъективном произволе, а о нормах, выработанных и утвержденных (или утверждаемых теми же рецензентами) в научном сообществе, т.е. об интересубъектив-

ности, которая в гуманитарных и социальных дисциплинах может трактоваться как симулякр «объективности», от которой все еще никак не могут отречься многие воспитанные в позитивистском духе коллеги.

Список источников

1. Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие материалы // Мир историка : историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 405–440.
2. Степанов Б.Е. «Кризис жанра»: книжные рецензии в перспективе исследований научной коммуникации // *Laboratorium*. 2016. № 8 (1). С. 82–106.
3. Климов И. «Сырое и приготовленное», или К апологии рецензий // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 111–116.
4. «Теперь я спокоен за свое будущее и могу спокойно работать». Из переписки Г.П. Федотова и М.М. Карповича // Исторический архив. 2013. № 5. С. 114–136.
5. Курков Н.В. Всеамериканский православный церковный собор 1946 г. и «Записка пяти профессоров» // Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 252–269.
6. Письма Г.П. Федотова Г.П. Струве. 1931–1950 гг. // Мир историка : историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2019. Вып. 12. С. 331–339.
7. Федотов Г.П. Собрание сочинений. М. : Тэтис Паблишн, 2008. Т. XII. 504 с.
8. Fedotov G.P. Russia and freedom // *Review of Politics*. 1946. Vol. 8 (1). P. 12–36.
9. Schmemmann A. [Rev.] George P. Fedotov, *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. Cambridge, Harvard University Press, Ma USA, 1946. XVI + 435 pp. in-8°, \$6.00 // *Erasmus*. P. 131–133. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
10. Attwater D. [Rev.] *Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.) // *Life of the Spirit*. 1947. Vol. 2 (14). P. 85–87.
11. Gorodetzky N. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Harvard University Press (London: Geoffrey Cumberledge), 1946, In-8, pp. xvi + 438, 32 s. 6 d. // *Slavonic and East European Review*. 1948. Vol. 26 (67). P. 612–614.
12. Hardy E.R. [Rev.] George P. Fedotov. *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. xiv, 438. \$6.00 // *American Slavic and East European Review*. 1947. Vol. 6. Nos. 3/4. P. 196–199.
13. Timashev N.S. [Rev.] Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind*. Cambridge; Mass, Harvard University Press Publ., 1946. 438 p. // *Russian Review*. 1947. Vol. 7 (1). P. 123–125.
14. Gurian W. [Rev.] *Russia: Past and Present* // *Review of Politics*. 1948. Vol. 10 (3). P. 367–368.
15. Ledit J. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00 // *Thought*. [March 1948]. P. 180–186. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
16. Карпович М.М. [Рец.] George P. Fedotov. *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*: Harvard University Press, 1946. Pp. 438. \$6.00 // *Новый журнал / New Review*. 1947. Т. XVI. С. 301–303.
17. Casey R.P. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov. Cambridge: Harvard University Press. 1946. XVI + 438. \$6.00 // *Journal of Religion*. 1949. Vol. 29 (3). P. 230.
18. Федотов Г.П. Александр Невский и Карл Маркс // Федотов Г.П. Собрание сочинений. М. : Sam & Sam, 2014. Т. VII. С. 70–73.
19. Struve G. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Cambridge: Harvard University Press. 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00 // *The American Historical Review*. 1947. Vol. 53 (1). P. 108–109.
20. Fedotov G.P. *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries*. New York : Harper and Brothers, 1960. [First published by Harvard University Press in 1946.]. XIV, 431 p.
21. Petry Ray C. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1946. xvi + 438 pages. \$6.00 // *Journal of Bible and Religion*. 1947. Vol. 17 (1). P. 66–67.
22. Spinka M. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov. Cambridge; Mass.; Harvard University Press Publ., 1946. Vol. XIV. 438 p. // *Church History*. 1947. Vol. 16 (2). P. 114–115.
23. Routil M. Georgij Petrovič Fedotov jako historik ruské svatosti // Fedotov G.P. *Svatí staré Rusi. Červený Kostelec* : Pavel Mervart, 2011. S. 243–253.
24. Войтенко А.А. «Перед Богом справедливости». Антиивизантизм Г.П. Федотова // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3. С. 53–64.
25. *The Christians of Kiev* // *Times Literary Supplement*. 1948. Jan. 10. P. 26. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].

References

1. Fedotov, G.P. (2014) Pis'ma G.P. Fedotova k B.A. Bakhmet'evu i soputstvuyushchie materialy [Letters from G.P. Fedotov to B.A. Bakhmet'ev and related materials]. *Mir istorika*. 9. pp. 405–440.
2. Stepanov, B.E. (2016) "Krizis zhanra": knizhnye retsenzii v perspektive issledovaniy nauchnoy kommunikatsii ["Crisis of the Genre": Book Reviews in the Perspective of Scientific Communication Research]. *Laboratorium*. 8(1). pp. 82–106.
3. Klimov, I. (2008) "Syroe i prigotovlennoe", ili K apologii retsenziy ["Raw and Cooked", or Towards an Apology for Reviews]. *Sotsial'naya real'nost'*. 1. pp. 111–116.
4. Fedotov, G.P. & Karpovich, M.M. (2013) "Teper' ya spokojen za svoe budushchee i mogu spokojno rabotat'." Iz perepiski G.P. Fedotova i M.M. Karpovicha ["Now I am calm about my future and can work in peace." From the correspondence between G.P. Fedotov and M.M. Karpovich]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5. pp. 114–136.
5. Kurkov, N.V. (2001) Vseamerikanskiy pravoslavnyy tserkovnyy sobor 1946 g. i "Zapiska pyati professorov" [All-American Orthodox Church Council of 1946 and "Note of Five Professors"]. In: *Amerikanskiy ezhegodnik*. 1999 [American Yearbook. 1999]. Moscow: [s.n.]. pp. 252–269.
6. Fedotov, G.P. (2019) Pis'ma G.P. Fedotova G.P. Struve. 1931–1950 gg. [Letters from G.P. Fedotov to G.P. Struve. 1931–1950]. *Mir istorika*. 12. pp. 331–339.
7. Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Moscow: Tetis.
8. Fedotov, G.P. (1946) Russia and freedom. *Review of Politics*. 8(1). pp. 12–36.
9. Schmemmann, A. (1946) [Rev.] George P. Fedotov, *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. Cambridge, Harvard University Press, Ma USA. XVI + 435 pp. in-8°, \$6.00. *Erasmus*. pp. 131–133. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
10. Attwater, D. (1947) [Rev.] *Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.). *Life of the Spirit*. 2(14). pp. 85–87.
11. Gorodetzky, N. (1948) [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Harvard University Press (London: Geoffrey Cumberledge), 1946, In-8, pp. xvi + 438, 32 s. 6 d. *Slavonic and East European Review*. 26(67). pp. 612–614.

12. Hardy, E.R. (1947) [Rev.] George P. Fedotov. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. xiv, 438. \$6.00. *American Slavic and East European Review*. 6(3/4). pp. 196–199.
13. Timashev, N.S. (1947) [Rev.] Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. Cambridge; Mass, Harvard University Press Publ., 1946. 438 p. *Russian Review*. 7(1). pp. 123–125.
14. Gurian, W. (1948) [Rev.] Russia: Past and Present. *Review of Politics*. 10(3). pp. 367–368.
15. Ledit, J. (1948) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00. *Thought*. [March 1948]. pp. 180–186. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
16. Karpovich, M.M. (1947) [Rev.] George R. Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity: Harvard University Press, 1946. Rr. 438. \$6.00. *Novyy zhurnal*. XVI. pp. 301–303.
17. Casey, R.P. (1949) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge: Harvard University Press. 1946. XVI + 438. \$6.00. *Journal of Religion*. 29(3). p. 230.
18. Fedotov, G.P. (2014) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. VII. Moscow: Sam & Sam. pp. 70–73.
19. Struve, G. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. By George P. Fedotov. (Cambridge: Harvard University Press. 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00. *The American Historical Review*. 53(1). pp. 108–109.
20. Fedotov, G.P. (1960) *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries*. New York: Harper and Brothers.
21. Petry Ray, C. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. By George P. Fedotov. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1946. xvi + 438 pages. \$6.00. *Journal of Bible and Religion*. 17(1). pp. 66–67.
22. Spinka, M. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge; Mass.; Harvard University Press Publ., 1946. Vol. XIV. 438 p. *Church History*. 16(2). pp. 114–115.
23. Řoutil, M. (2011) Georgij Petrovič Fedotov jako historik ruské svatosti. In: Fedotov, G.P. *Svatí staré Rusi*. Červený Kostelec: Pavel Mervart. pp. 243–253.
24. Voytenko, A.A. (2017) “Pered Bogom spravedlivosti”. Antivizantinizm G.P. Fedotova [“Before the God of Justice”. Anti-Byzantinism of G.P. Fedotov]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 53–64.
25. *Times Literary Supplement*. (1948) The Christians of Kiev. 10th January. p. 26. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].

Сведения об авторе:

Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antoshchenko Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: antoshchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.03.2022; accepted for publication 15.01.2025

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; принята к публикации 15.01.2025